

- that was made at the 11th of December 1750 in Sorbonne]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophic works]. Moscow, Gosstatsekonimizdat. 1937. pp. 51–73.
9. Rebane Ya.K. *O socialno determinatsii poznaniya*. Dokt. Diss. [About social determination perception. Dr. Diss.]. Moscow, 1970. 32 p.
 10. Kolevatov V.A. *Sotsialnaya pamyat i poznanie* [Social remembrance and perception]. Moscow, Mysl, 1984. 190 p.
 11. Freud Z. *Psikhologiya bessoznatelnogo* [Depth psychology]. Moscow, Prosveshchenie, 1989. 448 p.
 12. Coleman J. S. *The Adolescent society*. London, Routledge & Kegan Paul, 1966. 138 p.
 13. Jaspers K. *Philosophie*. München, 1956. Bd. I. 365 p.
 14. Davidovich V.E., Zhdanov Yu. A. *Sushchnost kulture* [Essence of culture]. Rostov-na-Donu, RGU, 1979. 264 p.

УДК 316.776:316.485.26

ТЕРРОРИЗМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: chubikap@tpu.ru

Несмотря на видимые изменения в социально-информационной сфере, произошедшие в последнее время, а также относительное отсутствие крупных социальных катаклизмов, информационные войны и связанный с ними информационный терроризм продолжают оказывать значимое воздействие на сознание людей. В погоне за властью лидеры и аутсайдеры политического процесса стремятся любыми доступными способами и средствами доказать собственную правоту. Наиболее дешевым и эффективным из них выступает глобальное информационное поле, сформированное совместной работой средств массовой информации и сети Интернет, где видимое присутствие реальности скрывает истинное положение вещей, одновременно его же и формируя.

Цель работы: рассмотреть сущность информационного терроризма.

Методы исследования: провести сравнительный анализ информационного терроризма, войны и партизанского движения.

Заключение: обоснован тезис о том, что информационная война сопряжена с постоянным воспроизводством конфликтных ситуаций; раскрыта информационная сущность терроризма; сделан вывод о фундаментальном отличии терроризма от прочих видов насильственной политической борьбы.

Ключевые слова:

Информация, власть, терроризм, глобализация, информационное пространство, информационный терроризм, информационная война.

Закон превращения количества в качество гласит: качественные изменения наступают в результате перехода незначительных и скрытых изменений в крупные вследствие увеличения их числа. Поэтому считается, что чем больше человек читает, тем он становится умнее и образованнее, так как каждый текстовый источник несет какую-либо полезную информацию, и хотя в данном конкретном документе ее может быть мало, но большое количество подобных же источников в итоге должно привести к формированию стойкого мировоззрения. В этом смысле одним из самых главных ресурсов для развития личности могут выступать сеть Интернет и Mass Media – главные поставщики информации в современном мире.

Однако прежде чем строить планы по развитию человечества с помощью данного закона в сети Интернет и через Mass Media, следует сначала обратить внимание на суть современной информационной реальности, которая претерпевает серьезные изменения, основанные на трансформации в представлениях об истинности. Один из исследователей, Х. Патнэм, отмечает: «Понятие истины зависит по содержанию от наших стандартов рациональной приемлемости, а они, в свою очередь, опираются на наши ценности и предполагают их»

[1. С. 279]. Таким образом, рождается плюралистичная информационная картина мира, где на первый план выходит принципиальная двойственность, и с одной стороны человеку вменяется в обязанность быть активным членом социума, самостоятельно определяя свои общественные позиции, а с другой стороны, количество информации на сегодняшний день таково, что он теряет, не в силах поглотить и переварить огромное количество зачастую противоречивых сведений, что приводит, в свою очередь, к тому, что человек вынужден цепляться за навязываемые ему стереотипы. Но и сами эти стереотипы не едины, прежде всего, в связи с тем, что современная информационная реальность не едина. Рассмотрим вопрос превращения количества информации в качество на примере политической сферы, которая выступает одной из базовых при формировании личностных идеалов человека.

Проникая во все сферы общества, СМИ выступают аренной для глобального политического процесса, при этом можно выделить двойкий подход к определению непосредственного участия Mass Media: с одной стороны они рассматриваются как средство влияния на граждан (П. Бурдьё [2]), с другой – как бездушный инструмент передачи ин-

формации, не затрагивающий политических интересов человека (П. Ларасфельд). Принято выделять две технологии влияния Mass Media на политический процесс: конструирование политической реальности и виртуализацию политического процесса (Э. Денис, Д. Мерилл).

Так или иначе, СМИ стали ареной для политической борьбы за власть, под которой понимается способность и право одних осуществлять свою волю в отношении других. Отличительными признаками информационной власти выступают: незаметность влияния (так как она осуществляется на уровне манипуляции), глобальность и безграничность распространения (это приводит к тому, что субъектом политической власти может выступать далеко не формальный лидер).

Суть власти в информационном пространстве тесно связана с принципиально новым источником власти – манипуляцией, которую условно можно разделить на три вида: скрытый контроль, изменение окружения объекта без взаимодействия с ним и воздействие на мир человека. Манипуляция обнаруживает себя на волне «бегства от свободы» (Э. Фромм [3]), когда человек под гнетом обрушившейся на него свободы выбора в виде бесконечного числа источников информации ищет опору во мнении другого, так как он не может определить себя в возникшем плюралистичном мире. И даже в том случае, если человек готов принять на себя ответственность за выбор альтернативы во мнении, само его мнение обнаруживается уже проинтерпретированным в существующих информационных блоках, что освобождает его от необходимости определить свою позицию самостоятельно.

На фоне всех этих изменений в информационной сфере, где власть проникает во «внутрь» человека (подробно процесс перехода власти над телом во власть над душой описан М. Фуко [4], который рассматривает современную тюрьму как один из видов психологического принуждения) рождается борьба за могущество, которая превращается постепенно в информационную войну. Двумя основными задачами этой войны выступают достижение информационного превосходства над стратегией противника, а также защита собственной информации. На гребне подобных «незримых» войн вырастает и ставший одним из атрибутов современной культуры терроризм, приобретший в информационной сфере новый статус, прежде всего за счет того, что сами по себе террористические акты могут вызвать общественный резонанс, следовательно, достичь своей цели только благодаря тому, что станут информационным достоянием, под прикрытием какой бы интерпретации они не подавались в Mass Media.

Информационная война всегда представляет собой постоянное воспроизводство конфликтных ситуаций, в которых противоборствующие стороны используют терроризм как средство борьбы за власть, ведь главным «оружием» выступают самые разнообразные способы манипулирования

общественным сознанием (конструирование стереотипов, имиджей, мифотворчество и т. д.). При этом информационная война довольно часто связана с терроризмом, который проявляет себя как показательные насильственные акты, направленные на достижение политических целей. Политические оценки террора всегда относительны, так как в отношении к нему нередко применяется «двойной стандарт»: он полезен с точки зрения его последователей и вреден с точки зрения противников. Иными словами, выигравшая в результате информационного террора сторона будет настаивать на оправданности принятых ей мер (победителя, как известно, не судят), проигравшая же сторона будет объявлена аморальной.

На сегодняшний день не существует общепринятого определения понятия «терроризм», более того, у некоторых зарубежных и отечественных исследователей сложилось мнение о принципиальной невозможности его определения. Примером может служить идея У. Лакера, который акцентировал внимание на случайности, иррациональности и недоступности в понимании терроризма. Он отмечал: «Не должно быть иллюзий по поводу того, что можно выяснить о происхождении и характере терроризма. Установлению поддается лишь тот факт, что при одних обстоятельствах террор чаще осуществляется, чем при других, и что при некоторых обстоятельствах он вообще не может иметь корней. Перегруженный значением по своей природе термин не поддается всем усилиям выработать всеобъемлющее и объективное определение терроризма. Такое определение не существует и не будет найдено в обозримом будущем» [5. С. 170]. Однако терроризму все же можно дать определение, так как центральным вопросом в данном случае выступает выяснение того, насколько последовательно и точно термин применяется к явлению, и что становится главным критерием для определения сущности понятия.

Нередко терроризм отождествляют с политическим насилием (например, американские исследователи В. Малиссон и С. Маллисон). Согласно подобным представлениям терроризм – это «систематическое использование крайнего насилия и груза насилия для достижения публичных или политических целей» [6. С. 37]. Еще одно определение можно найти у Г. Нонлау: «... терроризм понимается как вид борьбы, который в политических целях или по политическим мотивам пытается принудить государственные органы или граждан насилием или угрозой к определенным действиям» [6. С. 37]. Все эти определения роднит отождествление терроризма с вооруженной борьбой, партизанскими войнами, массовыми беспорядками, революциями и восстаниями, геноцидом, экстремизмом и другими терминами, связанными с политическим насилием.

Нельзя отрицать, что существуют точки соприкосновения между терроризмом и войной. У этих двух понятий существует общая принадлежность

к политическому насилию, причем зачастую их взаимосвязь носит конкретный исторический характер, например, когда террористические акты выступали в роли детонатора для военных действий. Именно взаимосвязь этих двух явлений порождает гораздо большее число жертв, в противовес запланированному числу.

В связи с этим один из политических деятелей, Б. Голдуотер, предположил, что «терроризм содержит в себе применение принципов Клаузевица (война – это продолжение политики с использованием иных средств) тайными группами и индивидами без персональной направленности» [7. С. 93]. Один из известных зарубежных политологов, Б. Дженкинс, определил терроризм как «суррогатную войну», под которой понимается специфический способ ведения тайных боевых действий, направленных на устрашение. В контексте подобного понимания изучаемого явления особый интерес представляет концепция «мяжевойны», сформулированной Е. Месснером, который доказывает, что в двух мировых и многих локальных войнах XX в. родилась и развивалась Всемирная революция, субъектами которой выступают народные движения. В данном типе войны оружие и войско не имеют решающего значения, а только лишь психология мятежной массы.

В этом контексте становится еще более понятной и доступной идея М. Фуко, о которой уже говорилось ранее: физическое насилие уходит на второй план, высвобождая куда более серьезное и опасное насилие над душой. Возвращаясь к Е. Месснеру, следует отметить, что его концепция исходит из приоритета информационно-психологической войны, которая во многом начинает реализовываться в действительности. Ведь как уже отмечалось, для терроризма важен не только сам факт насилия, но и то, что информация об этом факте будет разглашена, только так можно добиться политических целей в современном мире. Именно это отличает традиционную войну от терроризма: в войне всегда существуют две или более противостоящие стороны. Терроризм же, скрываясь, растворяясь в социуме, наносит удары по выбранным объектам, которые напрямую не являются им враждебными (чем, например, могут помешать для осуществления политических целей зрители театра, пришедшие на премьеру, или дети, пришедшие в школу?).

Не смотря на наличие точек соприкосновения между войной и терроризмом, существуют и различия между ними, основанные на правилах ведения военных действий, входящих в международное законодательство в виде различных конвенций. Прежде всего, это иммунитет от нападения, предоставляемый гражданским лицам, не участвующим в военных действиях, запрет на захват мирных граждан, правила общения с захваченными в плен и сдавшимися военнопленными, запрет на репрессии против гражданских лиц и военнопленных, признание статуса нейтральной террито-

рии и ее граждан, неприкосновенность дипломатических лиц и прочих уполномоченных представителей. Исследования же показывают, что террористы за последнюю четверть века нарушили все вышеперечисленные правила.

Распространено в литературе и сравнение терроризма с партизанской войной, которая понимается как военные операции, осуществляющиеся нерегулярными войсками в тылу вражеской армии или местными жителями против оккупационных сил. В таком виде партизанское движение может выступать составной частью боевых действий в качестве народной войны, направленной на защиту территории от захватчиков. Таким образом, партизанская война нацелена на отражение внешней агрессии, однако к данному определению было добавлено дополнительное значение, связанное с борьбой против диктаторских режимов. Постепенно термин размылся настолько, что стало невозможным его размежевание с такими понятиями, как терроризм, национальное движение, социальная революция, сектантское объединение и проч.

На сегодняшний день существует несколько позиций, размежевающих понятие партизанской войны и терроризма. Первая из них основана на разнице в местах дислокации и степени открытости борьбы: если партизаны в основном скрываются в сельской местности, активно организовывая пропаганду и ведя открытую политическую деятельность, то базы террористов располагаются в крупных городах и действуют тайно малыми группами. Кроме того, отмечается, что партизанское движение сохраняет предусмотренные конвенциями правила ведения войны. Таким образом, терроризм отличает принципиальная косвенная направленность, когда цель атаки не соответствует цели всей операции.

Если же говорить об информационной сущности терроризма, то она отличается от сущности как войны, так и партизанского движения, прежде всего тем, что прямые политические цели здесь достигаются опосредованно. Насилие выступает лишь поводом для манипуляций. Так, например, в октябре 2002 г. при захвате театра на Дубровке пострадали люди, которые не являлись врагами для захвативших их террористов, они лишь выступили жертвами внешних по отношению к ним политических разборок. Иными словами, терроризм всегда носит информационный характер, независимо от того, идет ли речь о глобальных событиях, или о событиях локального характера, потому что главная задача – манипуляция (либо в виде запугивания населения для порождения паники и истерии, либо в виде прямых угроз, выраженных в захвате заложников и т. д.). Таким образом, фундаментальное отличие терроризма от прочих видов насильственной политической борьбы заключается в том, что он располагается на грани, так как для достижения реальных политических целей использует насилие против мирных граждан.

Более того, если говорить о схожести терроризма и современных информационных систем, то их роднит глобальность и сетевая структура. Первое находит выражение в том, что терроризм не знает границ, он в равной степени распространен по всему миру, способом же реализации этой глобальности выступает разветвленная сетевая организация, которая обладает определенной идеологией и отработанным механизмом рекрутирования. Важным условием для осуществления террористических актов выступает наличие жесткой организационной структуры, позволяющей координировать действия множества мелких и незаметных группировок, а также единство действия, обеспеченного масштабностью подобных структур.

Информационные войны и сопутствующий им терроризм, использующий Mass Media как полигон для распространения своих убеждений и отстаивания интересов, влияют непосредственно на количество информации, распространяемой в обществе. Однако в то же время индивид в этом огромном пространстве доступных данных не способен самостоятельно ориентироваться, потому что Mass Media представлены сегодня в виде инструмента для конструирования реальности, обладающей видимой очевидностью. Задача этой реальности не быть отражением истины, но скрывать ее, осуществляя тем самым «мягкую власть», которая стремится подчинить человека чуждым ему убеждениям. Недаром центральным звеном в постмодернистской коммуникации выступает си-

мулякр (Ж. Бодрийяр [8]) – знак, призванный скрыть отсутствующее значение.

Сотканная из подобных знаков современная информационная политическая реальность уподобляется Покрывалу Майя (в индийской философии данный образ выступает визуализацией представления о том, что все вокруг является иллюзией, которую человек натягивает на окружающий мир, скрывая от себя самого подлинную реальность). Информационные войны, будучи направлены на создание плотного слоя дезинформации (которую также называют черным пиаром), порождая множественность трактовок одного и того же политического явления, еще больше запутывают индивида.

Еще сложнее дело обстоит с качеством информации, когда речь заходит о терроризме, потому что в данном случае поднимаются не только вопросы «чистоты» фактов (как раз в данном контексте характерно стремление освещать события максимально достоверно без лишних интерпретаций), сколько о способах их возникновения. Ведь насилие в данном случае используется против людей, не принимающих активное участие в политическом процессе, но ставших невольным проводником, ступенью для достижения власти. Таким образом, сегодня нельзя говорить о переходе количества информации в ее качество, особенно это касается Mass Media (в том числе, безусловно, и сети Интернет), так как, по сути, они выступают полигоном для политических игр, в задачи которых входит не показать реальность, а исказить ее в ту или другую сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Патнэм Х. Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры» Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2004. – 571 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: Ad Magrinem, 1999. – 478 с.
5. Laqueur W. New Terrorism. – NY; Oxford: Oxford University Press, 1977. – 290 p.
6. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 35–40.

7. Антипенко В.Ф. Использование в современном терроризме военных методов борьбы как фактор, определяющий необходимость активизации международного антитеррористического сотрудничества // Консолидация усилий правоохранительных органов стран СНГ – основа противодействия транснациональной преступности. – Минск: Тэхалопя, 2001. – С. 93–101.
8. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Академический проект, 2007. – 336 с.

Поступила 04.09.2013 г.

TERRORISM IN THE INFORMATION SPACE

A.P. Chubik

Tomsk polytechnic university

E-mail: chubikap@tpu.ru

In spite of obvious changes in social and information media which took place in the last years and taking into consideration the relative absence of large scale social cataclysms, information wars and information terrorism related to it influence considerably the minds of people. In pursuit of power the leaders and outsiders of political process strive to prove their rightness by all available means. The cheapest and the most effective of such means is global information field which is formed by mutual efforts of mass media and Internet where the observed presence of reality hides the true state of things forming it at the same time.

The main aim of the study is to consider the nature of information terrorism.

The methods used in the study: a comparative analysis of information terrorism, war and the guerrilla movement.

Conclusion: The author has substantiated the thesis that information warfare is associated with the constant reproduction of conflict situations, has disclosed information essence of terrorism. The conclusion was made on fundamental difference of terrorism and other types of violent political struggle.

Key words:

Information, power, terrorism, globalization, information space, information terrorism, information warfare.

REFERENCES

1. Patnem H. *Razum, istina i istoriya* [Mind, truth and history]. Moscow, Praksis, 2002. 296 p.
2. Burdye P. *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Moscow, Research Foundation «Pragmatics of Culture» Institute of Experimental Sociology, 2002. 160 p.
3. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow, AST, 2004. 571 p.
4. Fuko M. *Nadzirat i nakazyvat* [Discipline and Punish]. Moscow, Ad Magrinem, 1999. 478 p.
5. Laqueur W. *New Terrorism*. New York; Oxford, Oxford University Press, 1977. 290 p.
6. Avdeev Yu.I. *Terrorizm kak sotsialno-politicheskoe yavlenie* [Terrorism as a socio-political phenomenon]. *Sovremenny terrorism: sostoyanie i perspektivy* [Modern terrorism: Status and Prospects]. Moscow, Editorial URSS, 2000. pp. 35–40.
7. Antipenko V.F. *Ispolzovanie v sovremennom terrorizme voennykh metodov borby kak faktor, opredelyayushchiy neobkhodimost aktivizatsii mezhdunarodnogo antiterroristicheskogo sotrudnichestva* [Using modern methods of combating terrorism military as the factor determining the need to strengthen the international anti-terrorist cooperation]. *Konsolidatsiya usilij pravookhranitelnykh organov stran SNG – osnova protivodeystviya transnatsionalnoy prestupnosti* [Consolidation of law enforcement efforts of the CIS is the basis of combating transnational crime]. Minsk, Tehalopya, 2001. pp. 93–101.
8. Bodriyar Zh. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Critique of Political Economy sign]. Moscow, Academic Project, 2007. 336 p.